

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. П. ТОЛСТОВ

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ЭТНОГРАФИИ

I

Великая Октябрьская социалистическая революция, реализовавшая принципы ленинско-сталинской национальной политики и открывшая многочисленным, стоящим на самых различных уровнях развития, народам бывшей царской империи широкий путь хозяйственного, политического и культурного развития, поставила перед советской этнографической наукой обширные и ответственные задачи.

Задачи эти были весьма многообразны и отнюдь не легки. Приобщение к полноправному участию в строительстве новой, социалистической культуры десятков народов с самым различным историческим прошлым, различными этническими и культурными традициями, различным хозяйственным и бытовым укладом, народов, многие из которых в прошлом не знали самостоятельной государственности, не имели до революции даже своей письменности,— властно требовало всестороннего изучения особенностей хозяйства, общественного уклада, культуры и быта этих народов во всей исторической конкретности и своеобразии.

В 1921 г., определяя очередные задачи партии в национальном вопросе, товарищ Сталин писал: «Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития.

Задача партии по отношению к трудовым массам этих народов (помимо означенной в п. I задачи) состоит в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских советов, путем создания среди этих народностей крепких коммунистических организаций, способ-

ных использовать опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и могущих вместе с тем учитывать в своей строительной работе все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной народности, без механического пересаживания экономических мероприятий центральной России, годных лишь для иной, более высокой, ступени хозяйственного развития»¹.

Подчеркнутые нами слова товарища Сталина с достаточной ясностью определяют, какое широкое поле деятельности открывалось перед советской этнографической наукой на путях реализации национальной политики партии и какая огромная ответственность возлагалась на этнографов в деле выполнения этих задач.

По мере движения вперед эти задачи не упрощались, а усложнялись. Строительство национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР требовало всестороннего исследования культурного наследия каждого народа. Консолидация новых наций и национальностей, формирующихся в условиях социалистического строительства из недавно еще обособленных этнических групп и племен, обуславливала рост национального самосознания, с неизбежностью вызывая в культурно растущих народных массах становящихся наций и национальностей интерес к историческому прошлому своего народа.

Пробужденные к новой жизни народы СССР уже не довольствовались смутными этногоническими легендами и преданиями, с полным правом требуя от ученых ответа на волнующие их вопросы о их происхождении и историческом развитии. А отсутствие у многих народов своей письменной исторической традиции возлагало на этнографов львиную долю труда по воссозданию этих забытых страниц истории.

Эти задачи с самого начала определили широкое развитие исследовательской работы в области этнографии и направление этой работы.

Русская этнография пришла к Октябрю, обладая прекрасными традициями². Развиваясь под влиянием освободительных, гуманистических идей русской демократической общественности XIX в., идей Белинского, Чернышевского, Герцена, в известной мере подвергшись влиянию марксистских идей, русская этнография располагала к этому времени рядом зарекомендовавших себя крупными достижениями научных школ, из которых особенно должны быть отмечены школы Анучина и Ковалевского в Москве и школы Штернберга и Богоразы в Петрограде.

Однако задачи, выдвинутые перед нашей наукой советской эпохой, намного превосходили те возможности, которыми располагали унаследованные от дореволюционного прошлого кадры русских этнографов. Этим объясняется то внимание, которое с самого начала уделяется советским государством проблеме этнографических кадров.

Немедленно вслед за завершением гражданской войны создаются первые в нашей стране центры этнографического образования. В Ленинграде, по инициативе и под руководством Штернберга и Богоразы, возникает этнографический факультет вновь организованного Географического института, в Москве, несколько позднее, — Этнографическое отделение Факультета общественных наук, а затем — Этнологический факультет университета. Широко развивается работа созданной Анучиным кафедры антропологии Физико-математического факультета Московского университета, где готовятся кадры не только по физической антропологии, но и по этнографии и первобытной археологии.

¹ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, М., 1934, стр. 70. Разрядка везде наша. — С. Т.

² См. нашу статью: Этнография и современность. «Сов. этнография», 1946. № 1.

Быстро и разносторонне центрами широкою активностью в области этнографии развивает Академия Наук, где, наряду с Музеем антропологии и этнографии, быстро расширяющим свою работу, возникает такой крупный этнографический центр, как Комиссия по изучению племенного состава России (КИПС), впоследствии реорганизованная в Институт изучения народов СССР; в 1933 г. объединенный с Музеем антропологии и этнографии в единый мощный Институт этнографии Академии Наук.

Большое крупное место этнографические работы занимают в тематике важнейших общеакадемических центров по организации экспедиционных исследований, на новой основе возродивших традиции великих этнографических экспедиций XVIII в., — Комиссии по изучению естественных производительных сил и Комиссии экспедиционных исследований.

Совершенно новый вид организации этнографических работ развивается в системе Комитета Севера. Этот орган Советского Правительства, на который была возложена труднейшая задача возрождения и приобщения к советской государственности и социалистическому строительству малочисленных и отсталых, в полном смысле слова первобытных народов северных окраин Союза, многие из которых накануне революции находились на грани вымирания, был, естественно, особенно заинтересован в активной помощи этнографов. И мы видим, как на отдаленные северные базы Комитета, ставшие очагами социалистического переустройства Севера, отправляется целая плеяда молодых этнографов, в большинстве своем учеников Штернберга и Богораза; в качестве работников советского государственного аппарата, учителей и краеведов, они проводят долгие годы на Севере, накапливая неоценимый материал для монографического описания этих малоизвестных, призванных Советской властью к новой жизни, народностей.

Созданный в Ленинграде специальный Институт народов Севера — высшее учебное заведение, поставившее перед собой впервые в истории грандиозную задачу подготовки из рядов вчера еще первобытных народов северных окраин Союза государственных и культурных деятелей и высококвалифицированных специалистов, — стал базой для организации еще одного крупного исследовательского этнографического центра в лице Научно-исследовательской ассоциации при этом Институте.

Этнографическая тематика нашла себе достаточно крупное место также в планах Научно-исследовательской ассоциации при другом, возникшем еще в первые годы революции в порядке реализации сформулированных товарищем Сталиным задач национальной политики партии, высшем учебном заведении, призванном готовить высококвалифицированные большевистские кадры из рядов отсталых народов бывших колоний царской империи, — Коммунистическом университете трудящихся Востока.

Большую этнографическую работу развернул возглавленный Н. Я. Маррسم Институт изучения этнических и национальных культур народов Востока в Москве, организация которого определялась теми же задачами национальной политики партии и в аспирантуру которого широко вовлекались молодые представители различных национальностей СССР, уже становящиеся на путь самостоятельной исследовательской работы.

Исключительно широкое развитие получает этнографическая работа в быстро растущей и крепнущей сети советских музеев — от центральных до уездных (районных). Не говоря уже о последних, большая часть которых возникает после революции, и старые центральные музеи получают после революции совершенно новые перспективы и размах работы. Достаточно сказать, что если до революции штат старейшего этнографического музея страны — Музея антропологии и этнографии АН СССР

исчислялся всего несколькими сотрудниками, к 1925 г. он достигает 42 человек, а к тридцатым годам превышает сотню человек.

Широко развертывается работа Этнографического отдела Государственного русского музея в Ленинграде (ныне Гос. музей этнографии) и Центрального музея народоведения в Москве (ныне Музей народов СССР). Эти музеи развертывают не уступающую по размаху работам учреждений Академии исследовательски-собираТЕЛЬСкую экспедиционную деятельность. Например, в 1925 г. один только Музей народоведения осуществляет 14 экспедиций: 1) Марийско-удмуртскую, 2) Чувашскую, 3) Брянско-Орловско-Калужскую, 4) Полтавскую, 5) Дагестанскую, 6) Черкесскую, 7) Абхазскую, 8) Азербайджанскую, 9) Узбекскую, 10) Крымскую, 11) Гомельско-Режицкую, 12) Ветлужскую, 13) Касимовскую (Рязанская губ.), 14) Дмитровскую (Московская губ.). В том же году Этнографический отдел Русского музея проводит 8 экспедиций: 1) Саяно-алтайскую, 2) Минусинскую, 3) Лапландскую, 4) Ленинградскую, 5) Великорусскую, 6) Украинскую, 7) Крымскую, 8) Северо-Кавказскую, и 5 этнографических поездок меньшего масштаба.

Крупными центрами этнографической исследовательской работы становятся комплексные и специализированные музеи Киева, Харькова, Минска, Тбилиси, Ташкента и других столиц союзных республик. Музеи автономных советских республик не отстают, а нередко и опережают в своей исследовательской активности своих старших собратьев, как, например, музей Татарской АССР в Казани.

Значительные очаги серьезной этнографической работы возникают в областных и многих уездных (впоследствии районных) музеях — Московском областном, Рязанском, Пензенском, Калужском, Костромском, Нижегородском, Саратовском, Томском, Красноярском, Дмитровском (Московская губ.), Касимовском (Рязанская губ.), Переяславль-Залесском (Владимирская губ.) и многих других.

Важной базой этнографической работы становится широко развернувшаяся сеть научных обществ и краеведческих организаций, тесно связанных с местными музеями. Помимо деятельности старых Обществ — Географического (особенную активность проявляют его Сибирские отделения), Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и др., — десятки вновь возникших краеведческих обществ и ячеек, охватывающих тысячи членов, составляют широкий массовый фронт в деле содействия разностороннему изучению страны, в том числе — этнографическому изучению населяющих ее народов.

В большинстве автономных советских республик возникают комплексные научно-исследовательские институты, почти в каждом из которых развертывает свою работу этнографический сектор. Значительные центры этнографической работы возникают в специальных институтах и на кафедрах Академий Наук союзных республик (в 20-х годах — Украинской и Белорусской).

Публикация этнографических материалов получает в 20-х годах весьма широкий размах. В 1926 г. в Москве начинает выходить руководящий орган этнографов СССР журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»). Музей Академии публикует «Сборники МАЭ», после 1933 г. сменившиеся «Трудами Института этнографии» (издание сборников Музея возобновлено параллельно с «Трудами Института» в 1947 г.). Русский музей издает содержательные и прекрасно оформленные «Материалы по этнографии». Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии выпускает свои «Мемуары».

Этнографическая тематика богато представлена в изданиях Государственной Академии истории материальной культуры («Сообщения»).

«Известия» и отдельные серии, например, «Труды Верхневолжской этнографической экспедиции»). Ряд специальных этнографических журналов в серийных изданиях публикуется в союзных и автономных республиках и областях РСФСР.

II

Двадцатые годы в истории советской этнографии могут быть охарактеризованы, как период накопления сил и материалов и разрешения первоочередных задач, связанных с хозяйственным и культурным строительством народов СССР. Если в смысле размаха работ (не говоря об их практической целеустановке) этот период далеко оставляет позади все достигнутое дореволюционной этнографией, то в теоретическом отношении мы не можем еще говорить о чем-либо принципиально отличном от того, что характеризует русскую этнографию начала века. Нельзя не отметить также и того, что развитие советской этнографии протекает в эти годы в условиях обостренной классовой борьбы, в условиях бешеного сопротивления эксплуататорских классов развернутому социалистическому наступлению. Нельзя не отметить проникновения в эти годы в этнографические учреждения и организации в центре и на местах представителей буржуазно-националистических группировок, нередко пытавшихся превратить этнографические и краеведческие центры в базу для пропаганды националистических взглядов. Этой же обстановкой обострения классовой борьбы в стране объясняется и тенденция известной части старой буржуазной профессуры противопоставить марксистскому пониманию изучаемых этнографией явлений взгляды новейших зарубежных буржуазных школ. Характерно, что в то время, как дореволюционная русская этнография, за малыми исключениями, осталась невосприимчивой к этим «новейшим течениям», идя своим путем и оставаясь на почве прогрессивных традиций передовой русской этнографии XIX в., — в конце 20-х годов с значительной силой проявляется тенденция развернуть пропаганду взглядов Гребнера, Шмидта, Фробениуса и других представителей так называемой «школы культурных кругов». Это особенно можно видеть в вышедшем в 1929 г. «Курсе этнологии» П. Ф. Преображенского. Эти течения оказали влияние даже на такого передового представителя русской этнографии, как В. Г. Богораз, выпустивший в те годы путанейшую книгу «Распространение культуры по земле (Основы этногеографии)», в которой мы встречаемся с весьма своеобразным преломлением «теории культурных кругов» и несомненными отголосками «культурно-морфологических» построений Л. Фробениуса.

Появление этих и подобных им работ облегчалось недостаточной еще теоретической зрелостью советских этнографов, неумением их применить марксистскую методологию к практике этнографического исследования.

Однако к концу двадцатых годов намечаются первые признаки того теоретического поворота, которым можно начинать историю сложения советской этнографической школы как особого теоретического направления. Период между 1929 г. и серединой 30-х годов характеризуется полнотой бурных теоретических дискуссий о предмете и задачах этнографии в Коммунистической академии, Обществе историков-марксистов, на этнографическом совещании в Ленинграде в 1929 г., на археолого-этнографическом совещании в 1932 г. и на страницах специальных журналов — «Историка-марксиста», «Этнографии» и «Советской этнографии» и «Сообщений ГАИМК». Это период, когда развертывается острая критика новейших школ зарубежной буржуазной этнографии и антропологии, в первую очередь — расистских течений разного рода и так называемой «школы культурных кругов», а также упомянутых выше буржуазно-на-

ционалистических течений на отечественной почве, когда в процессе критического пересмотра собственных позиций советских этнографов развертывается борьба за овладение марксистско-ленинской методологией диалектического материализма. Нельзя не отметить, что в развитии этих дискуссий крайне отрицательную роль сыграло влияние антинаучной псевдо-марксистской школы Покровского и прямых вредителей — троцкистско-зиновьевских диверсантов, выдававших свои вредные и невежественные «теории» за последнее слово марксизма. Отрицание за этнографией и археологией самого права на существование в качестве самостоятельных исторических дисциплин и попытка подмены конкретного исследования априорным социологическим схематорством, лишь в качестве иллюстраций для которого фигурировали наудачу выхваченные археологические и этнографические примеры, не могло не принести существенного вреда развитию советской археологии и этнографии.

Решения партии и правительства по вопросам истории (1934), покончившие с хозяйничаньем социологизаторов-схематиков и открывшие новую полосу расцвета советской исторической науки, определили начало нового подъема и в области этнографии. Советские этнографы вышли из полосы дискуссий теоретически перевооруженными, выросшими в борьбе как против реакционных течений в буржуазной отечественной и зарубежной этнографии, так и против псевдомарксистского социологического схематизма.

Серьезная работа по изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, по освоению метода диалектического материализма в применении к исследованию этнографического материала не замедлила сказаться на характере тех новых исследований, которые начинают появляться в свет с середины тридцатых годов.

Уже тематически эти работы существенно отличаются от преобладающего типа работ 20-х годов, характеризуюсь концентрацией интересов вокруг проблем общественного строя, социальной культуры. В конце 20-х годов достаточно отчетливо выделяется в качестве одной из центральных проблем советской этнографии проблема изучения тех конкретных форм сочетания патриархальных и феодальных или полуфеодальных отношений, которые были в этот период характерны для значительной части народов Советского Востока и Севера и исследование которых, с целью разработки конкретных путей социалистического строительства на национальных окраинах Союза, стояло, как мы видели, в качестве одной из первоочередных политических задач.

На протяжении конца 20-х и в 30-е годы, в особенности начиная с их середины, выходит в свет целая серия работ, посвященных историко-этнографическому исследованию общественной организации различных народов СССР — характеристике и анализу форм и традиций общинно-родового уклада, их взаимоотношений с элементами феодальных и капиталистических отношений и их историческому значению в процессе классовой борьбы и социалистического строительства в советскую эпоху. Большая часть этих работ опирается на солидно поставленные полевые исследования и вводит в науку значительные новые материалы. Одни из этих работ в большей мере обращены в прошлое — в область зияяния древних корней тех общественных форм и институтов, с которыми сталкиваются исследователи; другие в первую очередь фиксируют моменты, не утратившие своей актуальности в настоящем. Одни пытаются охватить весь комплекс общественных отношений; другие исследуют как-либо одну их сторону. Однако все они объединены общей направленностью, общей тенденцией: поднять на конкретном материале отдельного конкретного народа большие общие проблемы истории первобытной общественной организации, ее роли и судьбы, ее пережитков в феодально-капиталистическом прошлом и социалистическом настоящем.

повесть и охватывать всеобъемлющий новый материал в свете марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития и, в свою очередь, привлечь свой материал для дальнейшей разработки этого учения.

Наряду с разработкой отмеченного круга проблем на материалах отдельных народов Советского Союза, появляется ряд исследований, посвященных общим проблемам истории первобытного общества, с широким привлечением зарубежного материала — австралийского, меланезийского, американского и др. Здесь особенно крупное место занимают капитальные исследования М. О. Косвена, особенно его труды, посвященные разработке вопроса об историческом месте матриархата, серия блестящих и острых этюдов покойного Е. Ю. Кричевского, работы А. М. Золотарева и др. Эти работы, как можно видеть уже из заглавий ряда из них, не ограничиваются исследованием только общественных учреждений в собственном смысле слова. В работах Потапова, Кандаурова, Бернштама и других мы встречаемся с новым аспектом исследования также и явлений материальной культуры, хозяйственного быта, техники производства, жилища и т. д. В работах Абрамзона, Золотарева, Толстова и других мы встречаемся с исследованием религиозных верований. Но и в том и в другом случае эти явления рассматриваются в их неразрывной взаимной связи, в аспекте проявления во всем многообразии конкретных фактов основных закономерностей общественного развития — развития производительных сил и производственных отношений, образующих структуру общества.

Не все отмеченные выше, как и не отмеченные, работы стоят на одинаковом теоретическом уровне, во многих из них есть не мало отдельных ошибочных или устарелых положений. Но во всех них отражена общая линия развития советской этнографии — линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании.

III

Характерной особенностью советской школы в этнографии является ее последовательный историзм. Типичное для многих направлений зарубежной этнографии противопоставление этнографии истории, с отношением первой к кругу географических, психологических и даже биологических дисциплин, неразрывно связано с явившейся одним из источников расизма старой реакционной концепцией деления человечества на народы «исторические», «культурные» (*Kulturvölker*) и «неисторические», «природные» (*Naturvölker*), из которых последние, якобы, и яв-

³ Таковы работы: П. И. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1928; С. Вильчевский, Материалы по истории общественных форм в Курдистане, «Сов. этнография», 1932, № 5—6; Н. Билибин, Классовое расслоение у кочевых коряков, Владивосток, 1933; его же, Обмен у коряков, Ленинград, 1934; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Известия ГАИМК», № 103, 1934; А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; М. О. Косвен, Аталычество, «Сов. этнография», 1935, № 2; Л. П. Потапов, Разложение родового строя у племен Северного Алтая, Ленинград, 1935; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Ленинград, 1936; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахто-Боло, Ленинград, 1936; А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Ленинград, 1936; М. О. Косвен, Из истории родового строя в Юго-Осетии, «Сов. этнография», 1936, № 2; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; Н. П. Никульшин, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Ленинград, 1939; А. Н. Кандауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, Ленинград, 1940, и многие другие.

ляются объектом этнографии. Это деление чуждо советской науке, рассматривающей все народы мира, на всем протяжении существования человечества, как творческий субъект истории. Конечно, история бесписьменных народов восстанавливается иными приемами, чем история народов, имеющих письменную историческую традицию и оставивших письменные памятники своего прошлого. Этнографическим памятникам, наряду с археологическими, здесь принадлежит ведущая роль. Но разница лишь в характере источников, в методических приемах исследования, а не в его предмете и не в его общей методологии.

Исследуя культуру любого народа (а отнюдь не только бесписьменного, первобытного) в ее национальной или этнической специфике, советский этнограф исторически анализирует ее, вскрывая в ней напластования различных периодов исторического развития народа, читая в ней отображения всей сложности его прошлых исторических судеб. Советская этнография давно оставила позади сыгравший в свое время полжизнтельную роль в истории буржуазной этнографии, но уже давно и явно устаревший эволюционистский подход к этнографическому материалу; для этого направления характерно полное невнимание к истории исследуемого конкретного народа, отдельные элементы культуры которого используются лишь для восстановления общей схемы эволюции первобытного человечества. Только в свете истории каждого народа становится ясным историческое значение каждого элемента его культуры, и мы хорошо знаем, к каким ошибкам нередко приводило эволюционистов (и даже такого, стоявшего по своему методу неизмеримо выше эволюционистов исследователя, как Морган) вырывание из исторического контекста отдельных культурных явлений (например малайской системы родства). Существенно отметить, что в последнее время в зарубежной, в частности американской этнографической литературе, имеется тенденция «реабилитировать» эволюционизм, отмечая лишь его «крайности», под которыми разумеются взгляды Моргана (Лоуи). В свою очередь защитники Моргана (Л. Уайт) пытаются сделать его знаменем в борьбе за восстановление традиций эволюционизма⁴. На деле сила Моргана в том и заключается, что он не эволюционист, а историк-материалист; бесспорно имеющиеся у него элементы эволюционистской методологии составляют его слабость, обусловившую ошибочность его отдельных заключений, отнюдь не затрагивая его концепцию в целом, столь высоко и заслуженно оцененную Марксом и Энгельсом и остающуюся непоколебленной до сегодняшнего дня. И если Энгельс имел все основания говорить о самостоятельном открытии Морганом материалистического понимания истории, то методологические основы эволюционизма были сурово осуждены Марксом в его известном отзыве на книгу Бастиана: «А. Бастиан, «Der Mensch in der Geschichte» (три толстых тома, автор — молодой бременский врач, совершивший многолетнее кругосветное путешествие) с его попыткой «естественно-научного» объяснения психологии и психологического объяснения истории, — плохо, спутанно, бесформенно»⁵.

Историзм советской этнографии ничего общего не имеет с псевдоисторизмом некоторых течений современной зарубежной этнографии — «культурно-исторической школы» в ее различных вариантах. Эта школа, теоретические позиции которой впервые были сформулированы Ф. Гребнером, как известно, отправляясь от риккертских взглядов, отрицает закономерность в истории, превращая ее в совокупность индивидуальных, неповторимых событий и явлений; к систематизации их во времени и пространстве якобы и сводится задача историка.

⁴ М. Левин, История, эволюция, диффузия (По поводу одной дискуссии). «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 235 сл.

⁵ Письмо Маркса Энгельсу от 19/XII 1866 г. Соч. т. XXII, стр. 552.

Советская этнография исходит из марксистско-ленинского понимания исторического процесса. Не закрывая глаз на все многообразие форм этого процесса, определяемое разнообразнейшими историческими факторами (нагляднейшим образом для нас в этом вопросе является раскрытие Лениным двух путей развития капитализма — прусского и американского), она видит в нем проявления единых законов прогрессивного исторического развития общества, более сложных, но столь же неопределимых, как законы развития природы. Раскрытие еще не известных сторон этих закономерностей является целью этнографического, как и всякого исторического и всякого вообще научного исследования. Знание уже раскрытых марксистско-ленинским учением законов в свою очередь является предпосылкой успешности исследования, ключом к пониманию той пестрой и нередко на первый взгляд хаотической картины, которую представляет собой каждая конкретная культура.

Советская этнография, опирающаяся на методологию исторического материализма в конкретно-историческом исследовании генезиса и развития этнической культуры каждого конкретного народа, резко отличается этими своими особенностями от доминирующих сейчас течений в зарубежной этнографии. Если для первой четверти XX в. характерной тенденцией в развитии буржуазной этнографии была тенденция псевдоисторизма, «историзма» в риккертском смысле, заостренного против всяких попыток раскрыть общие закономерности общественного развития, то вторая четверть нашего столетия может быть отмечена на первый взгляд прямо противоположной тенденцией, тенденцией подчеркнутого антиисторизма. Именно эту печать несут на себе две наиболее влиятельные школы современной буржуазной этнографии — «функциональная школа» в Англии, получившая сейчас широкое распространение и в Америке, и так называемая «психологическая школа» в США. Обе эти школы самым недвусмысленным образом поставили себя на службу империализму. Американские последователи и продолжатели английской функциональной школы Чэппли и Кун так определяют «достижения» отца функционализма Б. Малиновского и его единомышленников: «...Изменение (в положении этнографии. — С. Т.) произошло около двух десятилетий тому назад, когда многие влиятельные лица начали понимать, что антропология⁶ может быть использована в колониальной администрации, в специфической области регуляции отношений между белыми и так называемыми «примитивными» народами. Одним из первых это открытие сделало и практически использовало британское правительство, которое сделало правилом, что колониальные администраторы, работающие с туземными народами, должны быть квалифицированными антропологами. Крайне счастливым обстоятельством как для правительства, так и для туземцев (! — С. Т.) было то, что многие из людей, попавших под действие этого правила, были обучены профессором Брониславом Малиновским»⁷.

«Крайне счастливым обстоятельством» заключалось в том, что Б. Малиновский (австрийский поляк на английской службе, из интернированного в 1914 г. на Тробриантовых островах «гражданского военнопленного» превратившийся в учителя английских колониальных администраторов и этнографов) сумел приспособить этнографию к нуждам колониальной администрации, выдвинув, в сущности, четыре основных, не очень хитрых, не очень новых, но очень полезных для хозяев колоний

⁶ Принятый в англо-американских странах термин для обозначения этнографии: антропология в нашем смысле слова именуется физической антропологией.

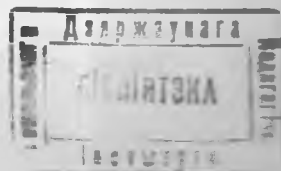
⁷ Chapple and Coon, The principles of Anthropologie, стр. IV.

«теоретических» положения: 1) не дело заниматься историей колонизаторских народов, ибо таковой не имеется, а если и имеется, ее все равно невозможно узнать; 2) объект этнографического изучения — «культура» есть совокупность функций общественных учреждений и обычаев, определяемых (через психологию) физиологией составляющих общество индивидов; 3) в соответствии с этим общественный быт и культура каждого колониального народа представляет собой систему некоторого равновесия, которую нельзя, да и не нужно нарушать, ибо при помощи местных вождей и традиционных общественных институтов и обычаев гораздо легче управлять «туземцами»; нужно только выяснить функции этих обычаев и институтов, а затем поставить их себе на службу; 4) так как внедрение элементов европейской цивилизации (например, школьное обучение сверх минимальных пределов, потребных для того, чтобы облегчить «белым» использование «черной» рабочей силы) нарушает это равновесие, то этого надо избегать, предоставив отсталым народам пребывать в их отсталости — оно и дешевле и спокойнее!

Упомянутые выше американские последователи Малиновского в разгар второй мировой войны предлагают дальнейшее использование «положительного опыта» «прикладной антропологии» своих английских учителей — применение «теории» и практики функционализма не только к колониальным народам, но и к самим европейцам и американцам: «Следующим шагом к расширению поля деятельности было установление того факта, что то, что оказалось подходящим для дикарей (the primitives), будет столь же хорошо применимо в нашем собственном обществе»⁸. Особые заслуги в этом деле авторы приписывают проф. В. Л. Уорнеру, который применил свой опыт работы среди северных австралийцев «с одинаковой успешностью и много большей пользой» к изучению американского и европейского общества. «Ему принадлежало главное влияние в применении антропологических методов в исследованиях Западной электрической компании, описанных профессором Е. Дж. Реслисбергером из Харвардской школы деловой администрации и В. Дж. Диксоном из Западной электрической компании в их книге «Управление и рабочий».

Итак, «научная методология» колониального администрирования переносится «с еще большей пользой» на управление рабочими капиталистического предприятия.

Здесь не место подробно разбирать книгу Чэппли и Куна, как и труды их вдохновителей. Хотя они и пытаются как-то примирить «функционализм» с «исторической школой» последователей Боаса, выдвигая не совсем вразумительный тезис о том, что «употребление шкалы времени есть основной метод измерения человеческих отношений», — мы увидим здесь ту же характерную цепочку объяснения физиологией психологии и последней — человеческого поведения, рассмотрения человеческих отношений как своеобразных рядов психологических импульсов и реакций, ту же плоскую «теорию равновесия», сведение истории к «нарушениям» и «восстановлениям» этого «равновесия», и все это для того, чтобы в конечном итоге установить, что в Америке налицо не что иное, как бесклассовое общество: «В Англии, например, хотя там и представляется тип правления, продолжающееся наличие этих классов мешает развитию вполне демократической системы. Так было и в Соединенных Штатах полтора столетия назад... С этого времени классовые различия постепенно исчезли в противоположность мнению некоторых авторов»⁹. Искра состоит в том, что авторы сознательно вкладывают в понятие

классов и сословия или касты и, не обнаружив этих признаков в «железе» хотя бы «Западной электрической компании», делают значительное открытие: «Трудно было бы доказать существование социальных классов в Соединенных Штатах»¹⁰. И затем появляется на сцену все тот же традиционный «торговец газетами, ставший миллионером», а выскочка поставленный молодой человек, сделавшийся простым солдатом в одной из команд рабочего, ставшего офицером.

Вся великая ученость со «шкалой времени», «импульсами и реакциями» и рассуждениями о научном регулировании общественной и политической жизни, как мы видим, потребовалась для того, чтобы подпереть весьма не новый пропагандистский прием, видно, уже не очень убеждающий рядовых американцев. «Patterns of culture», «модели культуры», американских этнографов-психологов, прежде всего «вождя» этого реакционного направления — Рут Бенедикт — это своеобразный вариант расистской «концепции» Rassenseele, «расовой души», отличающийся от немецких расистских построений только отсутствием прямой увязки этой «души» с физическими особенностями расы. Не надо, впрочем, забывать, что наряду с псевдоматериалистическим, биологизаторским направлением в самом немецком расизме была достаточно сильна мистико-спиритуалистическая тенденция, рассматривающая расу как прежде всего психологическую категорию. Шпенглер, один из родоначальников нацистской идеологии, является вместе с тем одним из духовных отцов современного американского «этно-психологизма». Не даром Бенедикт сопоставляет выделенные ею «модели культуры» с такими категориями шпенглеровского этно-психологизма, как «аполлоновская» и «дионисовская душа» и т. п.

Как и у расистов, у «этно-психологов» «модель культуры», resp. психический тип каждого народа, — неисторическая, антиисторическая категория, фактически неизменяемая субстанция, не определяемая историей, а определяющая историю.

Что американский «этно-психологизм» отнюдь не невинное кабинетное упражнение, видно из того, что труды «психологов» готовятся и появляются в весьма серьезного и определенного типа учреждениях и изданиях. Так, Рут Бенедикт выпускает книгу под поэтическим заглавием «The Chrysanthemum and the Sword» («Хризантема и меч»), посвященную исследованию мышления и «поведения» японцев, проведенному по заданию Управления стратегической службы (Office of Strategic Services). Г. Батесон печатает в столь, казалось бы, далеком от этнографии органе, как «Bulletin of Atomic Scientists» (1946, vol. 2, NN 5—6, 7—8), статью «Pattern of an Armaments Race» («Модель [психологическая] гонки вооружений»), где пытается, с одной стороны, определить этно-психологические предпосылки гонки вооружений (установив три этно-психологических типа «модели», определяющих характер таковой у разных народов, а именно — англо-саксонский, немецкий и русский), а с другой, — на основе этно-психологического анализа форм управления новогвинейских папуасов и американских индейцев, — предложить свой рецепт «ограничения национализма» путем создания сильного мирового правительства — рецепт не столь уж новый, как известно, и оригинальный лишь тем, что обосновывается аргументами от этнографии и психологии.

Если функционалистский антиисторизм неразрывно связан со стремлением законсервировать отсталые формы общественного строя колониальных народов, поставив их реакционные обычаи и институты на службу империалистическим монополиям, то задачи «психологического» антиисторизма шире: наряду с общими с функционалистами целями

¹⁰ Там же, стр. 439.

«этно-психологи» подводят теоретическую базу под весьма распространенную сейчас в реакционных кругах англо-саксонских стран тенденцию в расово-психологическом плане трактовать наиболее значительные явления современности — фашизм, агрессивный милитаризм и т. д. С точки зрения этих писателей, не монополистический капитализм, а специфический для немцев расово-психологический комплекс обусловил возникновение нацизма и гитлеровскую агрессию. Не нужно быть особенно пронизательным, чтобы не увидеть, например, что с точки зрения этой теории (ничем методологически не отличающейся от «классического расизма») всякие попытки создания единой демократической Германии бесплодны и вредны, ибо немцы по самой своей природе «тоталитаристы» и агрессоры, что единственный способ избежать новой агрессии Германии — это ее расчленение и превращение в колонию «западных демократий», «психическая модель» которых делает их единственными носителями всеобщего мира и благополучия.

Нужно ли говорить, что теоретические позиции советской этнографической науки полярно противоположны этим господствующим тенденциям современной буржуазной этнографии. Любопытно, что, как мы видим, советская этнография развивалась и развивается тоже под знаком «прикладных задач». Но это не задачи колониального порабощения отсталых народов и консервации их отживших и служащих лишь на потребу империалистам первобытных и феодальных учреждений. Это и не задачи консервирования во что бы то ни стало реакционных общественных учреждений внутри своей собственной страны, обеспечивающих господство кучки империалистических хищников над массами народа, «простых людей», подлинных творцов современной цивилизации. Прогрессивный, последовательно-демократический характер «прикладных» задач советской этнографии, задач помощи советскому государству и партии в деле строительства нового, социалистического общества, подъема всех, в том числе недавно самых отсталых народов СССР, на новый, высший этап развития, вовлечения их в активное и равноправное участие во всей общественной и культурной жизни страны — определил и направление развития теоретической мысли в области советской этнографии. В противоположность «этно-психологам», рассматривающим культуру каждого народа как нечто раз навсегда определенное ее «психической моделью», в противоположность функционалистам, видящим в ней неподвижную систему равновесия слагающих ее элементов, в конечном счете определяемых той же психической моделью, расой, — советский этнограф в общественном укладе и культуре каждого народа видит сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и нового, прогрессивного, рассматривает ее в развитии, в движении. В этом сущность историзма советской этнографии, ее отличие не только от антиисторических концепций современной реакционной зарубежной этнографии, но и от представлений о развитии классического эволюционизма.

Соответственно этим позициям советская этнография не замыкалась и не замыкается в своих исследованиях в узкий круг собственно этнографических источников. В самом деле, если для понимания этнографических фактов, к какой бы области быта и культуры она ни относилась, если для решения той или иной встающей перед этнографом проблемы (будь ли это проблема происхождения народа, проблема определения его этнографической территории, или проблема возникновения и развития того или иного, характерного для него общественного института, обычая, верования, или того или иного факта материальной или духовной культуры) необходимо использование данных других исторических дисциплин — актовых или нарративных письменных источников, археологических памятников и т. п., — то ничего, кроме вреда для дела, не

искусственное бы искусственное самоограничение этнографа, его отказ от использования этих данных. Нелепо было бы ограничиваться историко-этнографическими временами восстановления истории, скажем, русской культуры для культуры, принципиально отказываясь от привлечения фресок, старинных гравюр и описаний, наконец — собраний исторических фресок и данных археологии. Но вместе с тем мы прекрасно знаем, что для истории русского народного жилища и одежды этнографический материал сборов XVIII—XX вв. дает несравненно более богатые и многообразные данные, чем старые документальные и археологические материалы. Поэтому ретроспективное сравнительно-этнографическое освещение отдельных этапов этой истории восстанавливает очень многое, что в противном случае пришлось бы признать безвозвратно утерянным. Этим путем неизменно шли передовые русские этнографы и археологи в прошлом. Работы Д. Н. Анучина, в особенности его монографии «Лук и стрелы», «К истории искусства и верований приуральской чуди», «Древнее русское сказание «О человекех неизвестных в восточной стране» и др., показывают неизменную плодотворность этого пути. Блестящим опытом комплексно-исторического разрешения на этнографическом и археологическом материале одной из проблем истории русского народного орнамента является известная работа В. А. Городцова «Сармато-дакские элементы в русском народном творчестве».

Новое состоит в том, что советские исследователи не ограничиваются установлением лишь исторической последовательности фактов, а вскрывают за ними проявление определенных закономерностей исторического развития. Это комплексно-историческое направление советских этнографических исследований накладывает яркий отпечаток на творческий профиль большинства ведущих советских ученых, как правило, выступающих в качестве одновременно этнографов и историков, в одинаковой мере вооруженных как для этнографической работы в собственном смысле слова, так и для исследования литературных и архивных памятников и археологических материалов. В ряде случаев не так просто и решить, к какой научной специальности отнести того или иного исследователя, — в такой мере насыщены бываю работы материалами и исследовательскими приемами как той, так и другой. В свое время это даже вызывало некоторую растерянность среди известной части этнографов и разговоры об утере этнографией ее специфики. На деле мы имеем здесь проявление теоретического роста советской этнографии, на наших глазах вырастающей в подлинно историческую науку и завоевывающей себе почетное место в кругу отраслей исторического знания. Нельзя, наряду с этим, не отметить и обратного процесса — все более и более растущего внимания к этнографическим материалам в среде историков в тесном смысле слова и археологов, из числа которых многие нередко превращаются в заправских этнографов.

Советские этнографы, крепко связавшие свои творческие интересы с изучением культуры того или иного народа или группы народов, работая над этим десятилетиями, сплошь да рядом расширяя круг привлекаемых к исследованию источников, становятся ведущими специалистами в области истории данного народа, взятой в целом. Так, перу этнографа Л. Н. Потапова принадлежит «Очерк истории Ойротии». Этнограф С. А. Токарев пишет «Очерк истории якутского народа». Этнографу Н. А. Кистякову принадлежит «Очерк истории Каратегина». Этнограф А. Н. Бернштам завоевывает себе одновременно место ведущего исследователя археологических и письменных памятников истории тюркских народов Центральной Азии и Семиречья. Этнограф В. Н. Чернецов становится выдающимся знатоком археологических памятников Северо-Западной Сибири и работает над обширным трудом

по этногенезу обских угров, опирающимся на все виды исторических источников. Этнограф Б. А. Долгих ведет серьезные архивные изыскания по истории исследуемых им народов Средней Сибири. Этнограф Л. А. Динцес в своих исследованиях по русскому народному искусству поднимает обширные материалы археологических памятников и письменных документов. В свою очередь археолог А. П. Окладников пишет ряд интереснейших работ по этнографии якутов, широко используя этнографический материал в своих археологических исследованиях. Археолог Б. А. Рыбаков обильно привлекает этнографические данные для интерпретации фактов древней культуры и искусства славянских племен. Это сближение специальностей, их тесная взаимная кооперация, и в форме контакта научных учреждений и специалистов, и в форме совмещения специальностей, уже дала и продолжает все больше и больше давать богатые результаты, позволяющие по-новому ставить и разрешать различные общие и частные этнографические и исторические проблемы.

Основной формой обобщающего этнографического труда постепенно становится историко-этнографическая монография. Прекрасным примером таких нового типа историко-этнографических монографий является серия трудов известного исследователя народов Алтая и Южной Сибири Л. П. Потапова, в особенности «Очерки по истории Шории» (Л., 1936) и еще неопубликованная капитальная монография (докторская диссертация)¹¹ «Алтайцы». Более скромным по поставленным задачам, но также характерным примером небольшой историко-этнографической монографии является недавно вышедший «Очерк культуры киргизского народа» С. М. Абрамзона (Фрунзе, 1946).

К этому же типу работ принадлежит вызвавший широкий отклик труд С. А. Токарева «Общественный строй якутов в XVII в.», который, при спорности отдельных положений автора, не может не рассматриваться как образец историко-этнографической монографии, основанной на скрупулезном исследовании грандиозного архивного материала, освещенного данными этнографических экспедиций автора и этнографической литературы и, в свою очередь, проливающего новый свет на наблюдаемые этнографами факты.

Целая серия таких историко-этнографических работ, в значительной части еще не опубликованных, была создана за последние годы молодыми советскими этнографами, защитившими эти работы в качестве кандидатских диссертаций. Примерами могут служить хотя бы работы Д. В. Найдич «Быт украинского крепостного крестьянства накануне реформы 1861 г.», Е. Р. Бинкевич «История черкесского жилища», Г. Г. Стратановича «Дунгане Киргизской ССР», М. В. Сазоновой «Аграрные отношения в Хивинском ханстве в XIX — начале XX века»¹², Т. А. Жданко «Родоплеменной состав и расселение каракалпаков в XIX — начале XX века», А. С. Морозовой «Рабство у туркмен и хивинских узбеков в XIX веке», — в которых авторы прекрасно сочетают результаты личных полевых этнографических исследований и личных же архивных и историко-литературных изысканий. Свообразными формами историко-этнографических исследований являются диссертации С. Р. Смирнова «Восстание махдистов в Судане» и А. И. Блинова «Маорийские войны»¹³, в которых авторы-этнографы по-новому подходят к решению уже чисто исторических проблем, проблем политической истории, заново освещая обширным этнографическим материалом многие

¹¹ Отчет о защите см. «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 214.

¹² Отчеты см.: «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 212; 1947, № 1, стр. 196, там же, стр. 215; 1947, № 3, стр. 163.

¹³ См. «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 196 сл.; № 2, стр. 212.

сторона исторически политических событий, остававшиеся до сих пор тайной.

Важное в этнографическое исследование элемента точной хронологии, является возможность объективно оценить исторические условия возникновения, изменения или исчезновения того или иного общественного или культурно-бытового явления, вносит в работу советских этнографов важный новый элемент, позволяющий им избежать многих ошибок своих предшественников и зарубежных современников в оценке «древности» или «новизны» любого этнографического факта.

IV

Одной из центральных проблем советской этнографической науки ставится с 30-х годов проблема этногенеза в широком понимании этого слова. Это не случайно для советской этнографии, избравшей основным объектом исследования конкретный народ (племя, этническую группу, национальность), рассматриваемый как творец и носитель своей исторически сложившейся культуры, что предопределяет необходимость изучения путей исторического становления исследуемой народности и ее культуры.

Огромную роль в развитии советской школы в области исторической этнографии сыграло сталинское учение о нации как общности людей, исторически сложившейся из различных рас и племен в определенную эпоху — эпоху поднимающегося капитализма. Это учение, основанное на блестящем анализе обширного и разнообразного исторического материала, показало полную несостоятельность расистско-националистических концепций происхождения современных наций, всяческих поисков «чистых» расовых и этнических элементов, якобы лежащих в основе этих наций. Вместе с тем это учение явилось образцом исторического разрешения проблемы генезиса предшествующих нации этнических общностей — племен и народностей первобытного общества — и предшествующих капитализму классовых общественных формаций.

Роль развивающихся в ходе истории процессов сближения и скрещения первобытных расовых и этнических элементов, приводящих к качественной трансформации древних этнических общностей и возникновению новых, более широких этнических объединений, была блестяще раскрыта в трудах выдающегося советского лингвиста, академика Н. Я. Марра, и оказала огромное воздействие на развитие лингвистической, этнографической и археологической науки как в СССР, так и за рубежом. Значительное место в развитии общей теории этногенетического процесса после Н. Я. Марра занимают работы члена-корр. Академии Наук СССР проф. А. Д. Удадьцова, посвятившего ряд трудов этногенезу индоевропейских народов, в особенности славян и германцев. Под руководством А. Д. Удадьцова развернула свою работу Комиссия по этногенезу Академии Наук СССР, призванная объединить и координировать исследования в этой области представителей различных научных специальностей. Крупную роль в разработке проблем этногенеза сыграли проведенные за последние годы четыре большие сессии Комиссии по этногенезу — сессия 1940 г. по этногенезу народов Севера¹⁴, сессия 1942 г. по этногенезу народов Средней Азии¹⁵, сес-

¹⁴ Материалы сессии опубликованы в «Кратких сообщениях ИИМК», IX, 1941; А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока; Г. Ф. Дебеч, Проблема заселения С.-З. Сибири по данным палеоантропологии; В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров; Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова, Антропологическое изучение манси; А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры; Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье; М. В. Талызин, К этногенезу коми; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми в свете антро-

сия 1943 г. по этногенезу славян¹⁶ и сессия 1944 г. по этногенезу индоевропейских народов¹⁷.

Если к этим работам добавить труды ряда крупных исследователей по этногенезу народов Кавказа (акад. Джанашиа, проф. Куфтина и др. по этногенезу грузин, проф. Пистровского по этногенезу армян), то мы имеем все основания заявить, что в этой области советскими учеными предельно огромная работа, заложившая основы не только особой школе в вопросах исторической этнографии, но и практически разрешившая целый ряд проблем происхождения и исторического формирования большинства народов Советского Союза, в отношении многих из которых эти вопросы до революции или не ставились совсем, или не выходили за пределы самых примитивных построений.

Исключительно велик вклад советских этнографов (и, добавим мы, археологов) в разработку общих проблем истории первобытного общества. Мы имели уже выше возможность коснуться ряда этих работ, как конкретно-исторических, так и обобщающих накопленные наукой материалы. Обширная серия работ была посвящена периодизации истории первобытного общества. Работы акад. И. И. Мещанинова, члена-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса, действительного члена Академии Наук УССР П. П. Ефименко, Е. Ю. Кричевского, Б. Л. Богаевского, А. М. Золотарева и многих других¹⁸, вызвавшие оживленные научные дискуссии, содействовали созданию целостной концепции истории первобытного общества, базирующейся на накопленном после Морган и Энгельса обширном и разнообразном этнографическом и, особенно, археологическом (как известно, почти незатронутом Морганом и Энгельсом) материале, исследованном в свете исторических указаний

пологических данных; С. А. Токарев, Происхождение якутской народности; не вошедший в этот сборник доклад Г. Н. Прокофьева, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, напечатан в сб. «Сов. этнография», III, 1940; основные положения доклада А. М. Золотарева, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, были опубликованы до сессии в «Известиях Воронежского гос. пед. института», IV, 1938.

¹⁵ Материалы сессии опубликованы в тезисах или полностью (отмечено звездочкой) в сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947: А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований; С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза Средней Азии; Л. В. Ошанин, Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии; К. В. Тревер, Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.; С. П. Толстов, Аральский узел этногонического процесса; И. И. Умняков, Тохарская проблема; Л. А. Мацулевич, Аланская проблема и этногенез Средней Азии*; А. Н. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии*; М. М. Герасимов, Восстановление типа ископаемого человека и его значение для решения вопроса этногенеза узбеков; П. П. Номинханов, Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР; Н. А. Кисляков, К вопросу об этногенезе таджиков; В. В. Гинзбург, Этногенез таджиков в свете данных антропологии; А. Ю. Язубовский, Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.; Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен; Г. Ф. Дебец, Данные антропологии о происхождении туркмен.

¹⁶ Доклады сессии опубликованы лишь частично: Н. С. Державин, Происхождение болгарского народа; А. В. Арциховский, Культурное единство славян в средние века; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, журн. «Сов. этнография», 1946, № 1; Т. С. Пассек, К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна; С. П. Толстов, Из предистории Руси; М. Н. Тихомиров, Происхождение восточной «Руси» и «Русская земля»; Б. А. Рыбаков, Полки и сороки; А. Д. Удадьцов, Основные вопросы этногенеза славян, сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947.

¹⁷ Авторефераты докладов: С. П. Толстова, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая типология и А. Д. Удадьцова, К вопросу о происхождении индоевропейцев, опубликованы в «Кратких сообщениях» Института этнографии, 1, 1946.

¹⁸ См. нашу статью «К вопросу о периодизации истории первобытного общества» в журн. «Сов. этнография», 1946, № 1.

В. И. Ленин и И. В. Сталина. В процессе научных дискуссий, развернувшихся по этому кругу вопросов, советские этнографы сумели преодолеть исключение было у нас распространение некоторые взгляды западных зарубежных школ, как, например, стремление трактовать родовой строй вообще и материнский род, в частности, не как основную форму общественной организации первобытно-общинной формации, а как незначительный эпизод первобытной истории, и подменить его всеобщими «тотемистическими обществами», «дородовыми коммунами» и т. п. Заслужой П. П. Ефименко, установившего наличие матриархально-родового строя в верхнем палеолите, Е. Ю. Кричевского, М. О. Косвена и А. М. Золотарева, подвергнувшего сокрушительной критике модную тогда «теорию» «тотемического общества» и доказавшего, что тотемизм есть не что иное, как религиозная идеология родового общества,— является решительный пересмотр этих ошибочных взглядов и возвращение, на основе вновь освоенных материалов, к концепции Моргана и Энгельса: последние, как известно, отводили материнско-родовому строю четыре из выделенных ими шести стадий первобытной истории, исключая лишь «нижнюю ступень дикости», когда существовали более примитивные формы общественных объединений становящегося человека («первобытное стадо», по определению Ленина), и «высшую ступень варварства», переходную от первобытно-общинного к классовому общественному строю.

Конкретные открытия советских этнографов мобилизовали обширный новый материал в пользу концепции единства исторического процесса, в пользу учения о первобытном этапе истории человечества как первобытно-общинной социально-экономической формации, свойственной всем народам на заре их истории и предшествующей классовым формациям общества. Попыткам современных представителей реакционных течений в зарубежной этнографии трактовать такие закономерные проявления первобытно-общинного строя, как матриархат, дуально-родовая организация, тотемизм и т. д., лишь как частные, свойственные будто бы только отдельным «культурным кругам» явления, советские этнографы противопоставили новые теоретические исследования и внушительный арсенал вновь открытых этнографических фактов, показывающих несостоятельность этих реакционных концепций.

Особенно важным было открытие матриархальных институтов и традиций у народов Северной и Северо-восточной Азии, которые, по В. Шмидту, являются классическими, беспримесными представителями «отцовско-правовых» — «северной пракультуры» и «культуры пастухов-кочевников». Эта территория на карте шмидтовских «этнологических культурных кругов» является единственным «счастливым островом», куда не проникла «материнско-правовая» скверна, единственной областью, отправляясь от которой В. Шмидт и его последователи утверждали историческую возможность существования народов, не знавших в прошлом матриархата. Между тем работы советских ученых в последние полтора десятилетия взорвали этот «остров», покрыв его в различных местах красочными пятнами распространения разнообразных матриархальных институтов и пережитков. Так, в 1936 г. А. Ф. Анисимов установил широкое и повсеместное распространение пережитков материнского рода у эвенков (пережитки матрилокального брака, авункулат, высокое положение женщины, культ женского духа-покровительницы очага (Togo musunin) и родового женского духа-покровителя (Bugadi musunin)¹⁹, реконструируя на основании эвенкийских преданий древнеэвенкийское матриархальное больше-домовое общинное хозяйство (mәpәjen)²⁰, близко напоминающее по обществен-

¹⁹ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936, стр. 46—56.

²⁰ Там же, стр. 47—50.

ной функции и организации аналогичное хозяйство ирокезов, исследованное Морганом. Авункулат, культ женского духа дома «Попа мама» (Хозяйка огня) и матриархальные традиции в погребальном обряде отмечены в 1939 г. А. М. Золотаревым у ульчей²¹. К. В. Вяткиной в 1946 г. открыт мощный пласт матриархальных традиций в общественном устройстве и верованиях бурят-монголов (культ женской прародительницы, сказание об амазонках, женское шаманство, роль женщины в культе родового очага, авункулат, отражение материнско-правовых норм в номенклатуре родства, пережитки матрилокальности и т. д.)²². Аналогичные материалы собраны советскими этнографами по другим районам нашей страны, по народам Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы. Особенно важно отметить исследования Н. Я. Марра, М. О. Косвена, Е. Г. Кагарова и других, показавшие полную несостоятельность «теории» о якобы исконном патриархате у «арийцев» (т. е. народов индоевропейской лингвистической системы) — теории, являющейся, как известно, одним из существенных компонентов «арийского» расизма.

Значительным открытием советских этнографов в области изучения родового строя, является установление ими (в первую очередь на стечественном, а затем и на зарубежном материале) универсальности и древности одного из важнейших элементов родового строя — так называемой дуальной организации. Как известно, эта форма членения племени на две экзогамные фратрии рассматривалась еще Энгельсом как первичная форма экзогамно-родового устройства. В современной буржуазной этнографии, за редкими исключениями, дуальная или «двухклассовая» организация рассматривается как один из многочисленных и отнюдь не особенно древних институтов первобытного общественного строя. Австрийская католическая школа, вслед за Гребнером, видит здесь институт, свойственный «двухклассовому культурному кругу», связываемому адептами этой школы с земледелием. Риверс, много работавший над изучением дуальной организации, рассматривает ее как результат механического соединения на одной территории племен разного происхождения, сохраняющих свою традиционную обособленность и тогда, когда этнические различия между ними исчезают, — т. е. институт, порожденный условиями, в сущности говоря, случайными и внешними по отношению к прогрессивному развитию каждого первобытного общества, взятого само по себе. В результате работ советских этнографов выяснилось, что дуальная организация (или ее традиции в верованиях и фольклоре) свойственна самым разнообразным по этнической принадлежности, уровню развития и хозяйственному укладу народам. Она была открыта у туркмен (Голстов, 1935), у эвенков (Анисимов, 1936), у хантов и манси (Чернецов, 1939), у ульчей (Золотарев, 1939), у киргизов (Абрамзон, 1946), у различных кавказских народов (Косвен, 1947), у каракалпаков (Жданко, 1947) и др., т. е. у бродячих охотников и оседлых рыбаков тунгусо-маньчжурской и угорской лингвистических групп, у кочевых, полуоседлых и оседлых народов Средней Азии и Кавказа, по языку — тюрков, иранцев и яфетидов, другими словами — у разноплеменных народов, представляющих различные хозяйственные уклады.

Особенно богат и разнообразен собранный и исследованный советскими этнографами новый материал по поздним формам родового строя, по пережиткам родовой организации в условиях феодальных и капиталистических отношений и в период строительства социализма.

²¹ А. М. Золотарев, Родовой строй в религиях ульчей, стр. 37—42.

²² К. В. Вяткина, Пережитки материнского рода у бурят-монголов, «Сов. этнограф», 1946, стр. 137—144.

Выше мы приводили перечень наиболее значительных работ, посвященных этому кругу вопросов, по самому своему существу тесно связанных с практикой социалистического строительства в недавнем еще отсталых районах Союза и поэтому привлечших особенное внимание советских исследователей. В этих работах с особенной силой выделяются отмеченные выше специфические черты советской марксистско-ленинской этнографической науки. Именно последовательный материалистический историзм исследования, характерный для советских этнографов, диалектико-материалистический взгляд на изучаемые явления помог им понять сложный и, как казалось на первых порах, противоречивый материал. Советским этнографам удалось разоблачить антимарксистские тенденции в трактовке пережиточных явлений родового строя у многих народов СССР. С одной стороны, это были националистические «теории», пытавшиеся трактовать род как готовую ячейку социалистического строя, маскировавшие наличие в недавнем прошлом у ряда народов Советского Востока сочетающихся с родом элементов феодально-капиталистических отношений, использование пережитков родовой взаимопомощи как для эксплоатации «сородичей» полуфеодальной верхушки рода, так и для политического влияния эксплоататорских элементов на массу трудящихся кишлака и аула. С другой стороны, это были столь же вредные и дезориентирующие практических работников антинаучные, по существу троцкистские «теории», отрицавшие всякую роль родовых пережитков и рисующие общественный доколхозный уклад у скотоводческих народов Востока и даже у охотничьих народов Севера как вполне зрелый «феодализм» или даже «капитализм».

Руководящими образцами в исследовании этого круга вопросов для советских этнографов являются учение Ленина об укладах и сталинское определение общественно-экономического строя недавно отсталых народов восточных окраин Союза, цитированное нами в начале нашей статьи. Отправляясь от этих замечательных принципов, советские исследователи сумели понять особенности общественного уклада изучаемых народов во всей их сложности и противоречивости, в исторической динамике их изменения, вскрыть причины сохранения и характер бытования общинно-родовых пережитков в разнообразных условиях, существовавших у различных народов СССР в недавнем прошлом. Историко-материалистический метод исследования позволил выяснить изменения в ходе исторического развития социальных функций тех или иных архаических общественных институтов, противоречие и борьбу между их традиционной формой и меняющимся содержанием. Указанные исследования не только осветили процессы, протекающие в современности, но пролили ретроспективный свет и на более ранние этапы развития этих явлений, дав возможность понять многие, остававшиеся еще недавно неразгаданными вопросы как конкретной истории отдельных народов СССР, так и истории позднеродового и раннеклассового общества в целом, в особенности у народов с преобладанием неземледельческих форм хозяйства. Разработка проблемы о формах развития раннеклассовых рабовладельческих и феодальных отношений у скотоводческих народов и роли в этом процессе общинно-родовых пережитков является крупной заслугой советских исследователей, среди которых ведущая роль принадлежит этнографам (Бернштам, Потапов, Абрамзон, Токарев и др.).

Работы советских этнографов в области изучения материальной и духовной культуры характеризуются теми же особенностями, как и их труды в области проблемы этногенеза и социальной истории. Особенно надо отметить работы в области истории народного жилища, где новые методы исследования дали особенно богатые результаты. Изучение

жилища в тесной связи с хозяйством и общественным строем — путь, на который в свое время встал Л. Морган в своей классической работе «Дома и домашняя жизнь американских индейцев», — не только позволило понять особенности конструкции и планировки жилища тех или иных народов в их историческом развитии, но выявило в ряде случаев новые, остававшиеся неизвестными особенности самого социального уклада. Примером в этом отношении могут служить работы Кислякова и Кандаурова о жилище таджиков, Никольской о жилище аварцев и др. То же можно сказать и об изучении ряда явлений духовной культуры, например, религиозных верований и обрядов, смысл и историческое значение которых выступило в новом свете, когда их исследование было поставлено в тесную связь с изучением конкретных особенностей социально-экономического строя, с учетом исторического прошлого, происхождения и этнических связей исследуемого народа.

Мы не останавливаемся здесь на обширном разделе этнографической науки, связанном с изучением фольклора и народного изобразительного искусства, — этому вопросу посвящены специальные обзоры. Читатель может убедиться, что и здесь тесная связь с практикой социалистического строительства, последовательный историко-материалистический подход к материалу явились базой для больших исследовательских достижений и что в этой области советской этнографической науке есть чем гордиться, есть о чем рапортовать стране в торжественные дни 30-летия Великого Октября.

V

Мы лишены, естественно, возможности охватить весь обширный круг теоретических проблем, поднятых советскими этнографами, и конкретных открытий, сделанных ими. Нашей задачей было лишь на ряде конкретных примеров выявить общее направление развития советской этнографии как интегральной части советской марксистско-ленинской исторической науки. Советская этнография, как и вся советская наука, целиком отдает себя на службу народу, подчиняя свое развитие великим идеалам советского гуманизма. В этом исток ее подлинной объективности, действительной научности. В этом исток подлинного историзма советской этнографии, исследующей каждую конкретную этническую культуру как продукт исторического творчества народа в его прогрессивном движении и изменении, в конкретной социально-исторической специфике, вместе с тем видя в ней проявление единых законов общественного развития, вскрытых гением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Было бы глубокой ошибкой успокаиваться на достигнутых успехах, не видеть трудностей, стоящих перед нашей наукой, наших слабостей и неудач. Нельзя умолчать о том, что, несмотря на большие достижения в области подготовки этнографических кадров, их все еще несоизмеримо мало по сравнению со стоящими перед нами задачами. Нельзя мириться с тем положением, что в ряде наших республик еще нет своих квалифицированных этнографов, что далеко не во всех университетах поставлено преподавание этнографии, что во многих даже крупных местных музеях, обладающих ценными этнографическими коллекциями, нет в штате специалистов-этнографов. Нельзя признать нормальным отсутствие советского университетского учебника этнографии, создание которого является одной из наиболее неотложных задач. Нельзя не отметить значительного отставания некоторых важных разделов этнографической науки — в частности, разработки теоретических проблем истории первобытной религии. Например, теоретически не исследованными остаются обширные материалы по сибирскому шаманству, в изобилии накопленные советскими этнографами. А мы должны

отдавать себе отчет в том, какое значение имеют исследования в области истории вероубыточной религии и ее конкретных проявлений и пережитых в различных народах для дальнейшей разработки общего характеристического учения о религии — учения, роль которого в деле воспитания материалистического мировоззрения ясна без комментариев.

Необходимо также отметить отставание в деле фиксации и этнографического исследования грандиозных изменений, которые происходят на наших глазах в культурно-бытовом укладе народов нашей великой социалистической родины. То, что сделано и делается этнографами в этой области, более чем скромно по сравнению с масштабами подлежащих изучению процессов. А между тем вряд ли можно найти более увлекательную задачу для этнографа, как задача показа того, как по намеченному Лениным пути, под руководством партии большевиков, под руководством великого Сталина, десятки недавно еще угнетенных, отсталых, зачастую стоявших на грани гибели народов в невероятно короткие сроки стали полноправными членами великой советской семьи, полноправными участниками строительства социалистической цивилизации, как на основе лучшего из того, что каждый народ создал своим тысячелетним трудом, складывается и расцветает новая, социалистическая культура во всем богатстве и многообразии своих национальных форм. Эта задача велика по своим масштабам, небывала по своей новизне. Для ее выполнения мы должны быть подлинными новаторами в науке, работая не покладая рук над собиранием и научной интерпретацией богатейшего материала.

Все объективные предпосылки для выполнения этой задачи налицо. Успех дела зависит только от нас самих.